

«ЛЮЧИЯ ДИ ЛАММЕРМУР», — самая знаменитая из опер знаменитого Гаэтано Доницетти, который превзошел даже Россини в сверхъестественной легкости письма — за 28 лет творческой деятельности он сочинил свыше семидесяти опер! — и чья слава гремела по всей Европе... Мы сравнительно меньше знакомы с произведениями Доницетти, чем с шедеврами его великих соотечественников — Россини и Верди. Поэтому встреча с «Лючийей» для нас как бы восполняет недостающее звено в преемственном развитии итальянской оперной классики, слух невольно отмечает в ней интонации, в будущем типичные для Верди и, конечно же, в своем происхождении связанные с традициями итальянской народно-бытовой музыки. Итак, «Лючия», родившаяся на свет в 1835 году, через 19 лет после «Севильского цирюльника» и за 16 лет до «Риголетто». Как прочтет театр «Ла Скала» эту старую оперу, которая запечатлела характерное для ее эпохи увлечение так называемым виртуозно-концертным стилем?

Когда поднимается занавес над первой картиной спектакля миланцев, многое поначалу кажется до странности непривычным и несколько озадачивает зрителя: статуарная неподвижность мизансцен, подчеркнутая наивность поведения хора (по принципу «вышли, встали, спели и ушли»), некоторая архайчность декорационного оформления. Что это — недостаточное внимание к современным требованиям сценического реализма, негибкость или неопытность режиссуры? Нет, постановщик «Лючии» Маргарита Валь-

ТОРЖЕСТВО ВОКАЛА

ман — одна из крупнейших мировых оперных режиссеров; в других случаях ее почерк отличается динамизмом и свежестью. Декорации спектакля принадлежат Александру Бенуа, талантливому театральному художнику и великолепному стилисту. И постепенно, вживаясь в спектакль, вы понимаете, что известный отпечаток архайки, некой «старомодности» придав ему вполне обдуманно, что строй его удивительно целен и органичен.

В «Лючии» и многих других современных ей операх основным средством раскрытия сюжета (и основной художественной целью!) служит *bel canto*. Все прочие элементы спектакля призваны оттенять это «прекрасное пение», не отвлекая от него, но помогая его восприятию. Внешнее сценическое движение здесь сведено до минимума, чтобы предоставить наибольший простор вокалу. И коль скоро вокальная сторона произведения получает полноценное и яркое истолкование, оно само становится живым и убедительным. Секрет успеха этого спектакля кроется прежде всего в замечательном певческом мастерстве исполнителей, хотя и отдельные актерские образы, особенно образ центральной героини, вылеплены очень рельефно и выпукло.

Доницетти, подобно большинству итальянских оперных композиторов той эпохи, интересуют не столько индивидуальные, неповторимо кон-

кретные человеческие характеры, сколько драматические ситуации, воплощение тех или иных переживаний его персонажей. В этой области он обнаруживает исключительную драматическую «хватку», способность спаять всеедино цепь контрастно-разнохарактерных музыкальных эпизодов, наполнить их током высокого напряжения. Слушая его оперу, исподволь приходишь к мысли, что современные композиторы, которые во имя психологической правды упразднили самостоятельные, широко развернутые вокальные номера, вместе с ними утратили и кое-какие весьма важные драматургические возможности, заключенные в выразительности вокального мелоса, те возможности, которые так хорошо умели использовать композиторы прошлого...

Показательный пример — дуэт Лючии с Эдгаром из второй картины первого действия, большой декрет второго акта, сцена сумасшествия Лючии. Формально эти эпизоды лишены действия, а введение большого сольного или ансамблевого номера в остро напряженный момент (как и тождественность музыкальных партий участников секстета при несходстве их эмоциональных состояний) является одной из пресловутых оперных условностей, впоследствии подвергнутых резкой критике. Но любопытная вещь: для современного, уж на что искушенного слушателя ощущения «неправды» не возникает, его бук-

вально захватывают сила, красота и внутренний драматизм музыки. Сцена сумасшествия Лючии и ее большая ария — настоящая энциклопедия вокального искусства высшего класса, в ней представлены разнообразнейшие виды певческой техники — от плавной кантилены до стремительных пассажей и колоратур. Приемы эти и впрямь могут остаться голой техникой, если они трудны для исполнителя и он всецело сосредоточен на их преодолении. А Рената Скотто владеет ими с такой изумительной свободой и непринужденностью, она настолько подчиняет их задаче создания образа, что они приобретают полную,щую эмоциональную осмысленность. Такую же — хочется сказать «инструментальную» — гибкость фразировки и звуковедения, безукоризненную точность интонации демонстрирует она и на протяжении всей своей партии, сочетая ослепительный блеск виртуозности с задушевной искренностью, теплотой и женственным обаянием. Превосходен и ее партнер Эдгар — Карло Бергончи, обладатель на редкость сочного и красивого драматического тенора, певец большого артистического темперамента, пожалуй, не уступающий Ренате Скотто по мастерству и тонкой музыкальности.

И вообще уровень исполнения «Лючии» лишний раз подтверждает достоинства итальянской вокальной школы, бережно хранимые до наших дней. Любая партия была спе-

та отлично, да это и понятно, если учесть подбор солистов в труппе «Ла Скала». В роли Энтоня выступил Пьеро Каппуччелли, в роли Бидебенда — чудесный бас Агостино Феррин, в роли Артура — Вальтер Гуллино. Но едва ли не сильнее, чем совершенство сольных эпизодов, впечатляет звучание ансамблей и массовых сцен. Им присуща великолепная пластичность и четкость мелодических линий, одухотворенность ритмической пульсации, прочность архитектурных пропорций. Здесь, безусловно, надо отдать должное незаурядному дарованию, вкусу и опытности дирижера Нинно Санцонио и хормейстера Роберто Бенальо.

Партитура Доницетти небогата интересными колористическими эффектами, и «амплуа» оркестра сводится преимущественно к скромному аккомпанементу. Однако как тактично осуществляет оркестр эти свои обязанности, с какой неожиданной проникновенностью и выразительностью звучат отдельные инструментальные реплики, например певущее виолончельное соло в каватине Лючии или флейтовые фразы в арии сумасшествия! Оркестр и хор «Ла Скала» — коллективы высокой творческой квалификации. И в целом «Лючия Ди Ламмермур» при нераздельном господстве вокала может в то же время служить образцом синтетического музыкального спектакля, в котором найдено верное равновесие элементов и который удачно воспроизводит специфический жанровый склад и дух произведения.

М. САБИНИНА.